

ЖИВАЯ ЛИТЕРАТУРА

*стихотворения из лонг-листа премии
сезон 2010-2011*

Фонд поддержки
независимого книгоиздания

**Александр Евдокимов
Алексей Зарахович
Владимир Кравченко
Аркадий Штыпель
Ольга Ильницкая
Илья Трофимов
Наталья Богатова
Олег Карпенко
Вадим Ковда**

**Живая Литература.
Стихотворения из лонг-
листа премии. Сезон 2010-2011
Серия «Живая Литература»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3373675

Живая литература. Стихотворения из лонг-листа премии: Э.РА;

Москва; 2012

ISBN 978-5-905693-09-0

Аннотация

Премия «Живая литература» учреждена издательством «Э.РА», сайтом «Подводная лодка» и литературным клубом «Последняя среда». Смысл премии, по мнению ее устроителей, содержится в самом названии. Живая литература – то есть способная к развитию, к порождению действительно нового, определяющего собой будущее. Такая литература противостоит так называемому «литературному процессу», который при поддержке крупных издательств, «толстых» журналов и окормляемых ими литературных фестивалей и премий направлен на культивацию бессмысленности в искусстве, на тиражирование лишенных содержания штампов и клише.

Содержание

Вместо предисловия	8
Илья Трофимов***лауреат	10
Морем кажется	10
* * *	11
* * *	13
* * *	14
Ее нетленная душа	15
* * *	16
* * *	17
Упражнения в пейзаже	18
* * *	19
* * *	20
* * *	21
* * *	22
* * *	23
* * *	24
* * *	25
Алексей Зарахович	27
* * *	27
* * *	28
* * *	29
Черновик	30
* * *	31

* * *	32
* * *	33
Выбор	34
2	34
3	35
Ольга Ильницкая	36
* * *	36
* * *	37
Март	38
Зима	39
* * *	40
* * *	41
* * *	43
* * *	45
О. Мандельштаму	46
У певчих свои временные законы	47
Накануне	49
Вадим Ковда	50
Возраст	50
Искусство	51
Полустанок	52
* * *	53
Сиваш	54
* * *	55
За Днепром	56
За Обью	57

* * *	59
* * *	60
Ледовитый океан	61
Христос и Аввакум	62
1	62
2	63
3	63
4	64
5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Живая литература ***стихотворения из*** ***лонг-листа премии*** ***сезон 2010 – 2011 гг.***

Подготовка публикации – Андрей Пустогаров

Оргкомитет премии благодарит Михаила Григорьевича Ромма (Сан-Диего) за финансовую помощь в издании этой книги

Инициаторы проекта:

Литературный сайт «Подводная лодка»:

<http://gufo.ru>

Издательство Э.РА

<http://www.era-izdat.ru>

Клуб «Последняя среда»

era-izdat@mail.ru

Вместо предисловия

Премия «Живая литература» учреждена издательством «Э.РА», сайтом «Подводная лодка» и литературным клубом «Последняя среда». Смысл премии, по мнению ее организаторов, содержится в самом названии. Живая литература – то есть способная к развитию, к порождению действительно нового, определяющего собой будущее. Такая литература противостоит так называемому «литературному процессу», который при поддержке крупных издательств, «толстых» журналов и окормляемых ими литературных фестивалей и премий направлен на культивацию бессмысленности в искусстве, на тиражирование лишенных содержания штампов и клише.

На соискание премии принимались произведения здравствующих поэтов и переводчиков. Согласие автора не требовалось.

Из присланных на конкурс произведений голосованием оргкомитета были определены лонг-листы в обеих номинациях – «ПОЭЗИЯ» и «ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ» – в которые вошли тексты поэтов и переводчиков из России, Украины, Армении, Финляндии, ФРГ, Португалии и Израиля. Этот корпус текстов опубликован на сайте премии <http://lname.usoz.ru/> и, по мнению организаторов, и представляет собой главный ее результат – свидетельство существования в

наши дни действительно живой, значительной, способной заинтересовать читателя литературы.

Шорт-лист определялся голосованием жюри, которое было сформировано из давших на то свое согласие участников лонг-листа премии. На этих двух этапах имена участников конкурса не раскрывались, с той целью, чтобы оценивались только сами тексты, а не заслуги или репутации авторов. Затем совместным голосованием жюри и оргкомитета премии были определены лауреаты:

в номинации «ПОЭЗИЯ» им стал Илья Трофимов,

в номинации «ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ» – Юрий Денисов.

Илья Трофимов***лауреат

Морем кажется

Собака отпрыгивает от волны.

Ребенок не слушает

Тишины.

Горизонт нарисован

Карандашом

На белом листе

Ни маленьком, ни большом.

Воды не касается ветерок —

Где-то ходит Илья Пророк.

Или

Мысль о тебе одной

Морем кажется,

Тишиной,

Злым ребенком,

Бродячим псом,

Затупившимся карандашом?

Приезжаешь
В город такой —
Машет Ленин
Тебе рукой.

И звучит
Ручейками речь —
И не слушай,
И не перечь.

Ходят по двое,
Носят
По полсвиньи —
Не разберешь их,
Свои,
Или не свои.
Но когда
Приоткроют дверь,
Станет страшно тебе,
Поверь.

А потом
Поглядишь с моста

И полюбишь эти места...

Там прозрачна, как сон,
Вода,
Побежавшая
Выше льда.

26 марта 2010 г.
Боровск

Изысканные
Двигутся суда.
Картина вод.
Воспитаны и ловки,
Как облаков
Кудрявые головки,
Позевывают ангелов стада.
Автобус,
Убивающий стрижа.
Возможно ли
Сближение роковое
В присутствии
Небесного конвоя?
О чем вздыхают
В небе сторожа?

Тем, кому наскучили пирушки,
По определению знаком
Час,
Когда купаются старушки,
Смуглые,
Как кофе с молоком.
В этот час
Видны как на ладони
В дымке розовой
Плывущий теплоход,
Храма силуэт на неба склоне,
Юноша,
Собравшийся в поход.
Я не знаю:
Утро или вечер...
Важен только
Бледный этот свет,
Эти неразборчивые речи,
Этот вознесенный силуэт.

Ее нетленная душа

Наш кот уходит в магазин.
Он любит продавщицу Зину
И от хозяина-грузина
Там прячется
Среди корзин.
Грузин извелся от тоски.
По-своему он любит Зину
И иногда
Одну корзину
В сердцах ломает на куски.
А Зина – что ж?
Всегда на месте —
И молода,
И хороша...
Каких-то тайных ждет известий
Ее нетленная душа.

Тень города
Повешена за хвост —
Февраль уже потребовал прибавки.
Дворняги где-то
Брешут у заправки,
И небо спину выгнуло, как мост.
Бесцельная прогулка хороша,
И сердце
Детской слабости боится.
Смеется над потерями душа,
Скрипит мороз,
И можно простудиться.

Осень —
Черная девка зимы.
Полукровка,
С ольхою осинник,
Черный глаз,
Зачарованный синим,
Приношение тьмы.

Упражнения в пейзаже

Камни голые, как слова судей,
Твердые, как простые дела,
Тропинки, пересекающие холмы,
Летит пчела.
Хозяйка в сенях отрубает голову петуху —
Слова перекатываются во рту,
За кустами что-то несет вдова,
Отрезавшая голову мужику.
Женское естество шепчет в траве. В лице героини
Определенность линии рта.
Хвост кота.
Слава, и ныне.

август 2010 г.
Беломорск

Открывается рот тишины,
И весна, как младенец, беззуба,
В редких рощах слова не слышны,
И видны полосатые трубы.
Словно мел
В неумелой ладошке,
Так легко коротается век.
Незнакомый идет человек,
И бесстрашные движутся кошки.

* * *

Скучает стая быстrokрылая ворон.
И речка спит.
И спит в избе Харон.
И смерти нет —
Сегодня воскресенье.
И Пасха ранняя —
Осталось полпоста.
До станции
Всего одна верста,
И солнцем мартовским
Обещано спасенье.

7 марта 2010 г.

Облака, приходящие с юга,
И небес молоко
В этой местности грубой
Достаются легко.
На траве
Руки ветра,
Руки ветра в траве,
Дятел трогает ветки
У ветлы в голове.
Слепнут дни,
Дремлет пустошь
До ночных костерков...
И насыпаны густо
Крылья майских жуков.

В садах побрехивает
Вечер.
Слегка попыхивает
Запад.
Ну, разумеется,
Как свечи...
Но нет,
Не линии,
А запах.
А говорят —
Улыбка года...
Горит камыш.
Дорога стынет.
И ветер, дующий на воду,
Нас не покинет.

Та, что молчит,
Сделана из ребра.
Осень стучит
Яблоками по дну ведра.
Голые ветки к морю
Протягивает Кореиз,
И нету прямой дороги
Ни вверх, ни вниз.

Архистратиг
По небу проходил.
Не чиркал спичками,
Не задавал вопросы.
Случалось и ему,
Коль не хватало сил,
Прикуривать
От папиросы папиросу...

Горит светила малое пятно,
Расцвечен край небес, —
Разомкнутые крылья
Полмира облегли.
Напрасны ли усилия?
Или ему
Сегодня все равно?

В минуты эти
Нечего сказать, —
Такая красота безгласна.
Она – не женщина,
Но все-таки опасна,
Когда начнешь внезапно
Замерзать...
Вблизи Москвы
Так много дачных мест:
Поля исхожены,
Леса полуживые...
Вот руны топора,
Порезы ножевые...
Но, кажется, все вымерло окрест,
Когда «мороз и солнце»...
Минус двадцать!
И угораздило же нас
Сюда сорваться!
Такие вылазки, —
Излюбленный наш крест.
Мы помолчим.
Малейший звук
В минуты эти кажется мне страшен.

Светило в дымке —
Страж замерзших пашен.
И где-то бродит сторож
Этих мест...

Алексей Зарахович

* * *

По рукам реки
Пробегают дрожь
Рукава реки
Зачерпнули дождь

Зачерпнули сад
И в саду теперь
Пьяный виноград
Вольная форель

По течению вниз
По течению вверх
Виноградных слез
Непочатый смех.

Эта нежность на изгибах рук
Эти руки – и не крылья вовсе
Прямо к солнцу движется паук
По пути разматывая солнце

Паучок, четыре лапки, след
От луча на стершихся коленях
Снизу мир блестит в изгибах рек
Золотом расплавленного клея

Тополиного пуха медлительный снег
На себя не похожий
Ни тебе снеговик
ни тебе человек —
Просто вымысел божий
И от этого вымысла все хорошо
Все беспечней ненужность
Словно сердце в холодную воду вошло
И нырнуло поглубже
И на месте его – пустота
По краям предместья
Мост растет на крови. У моста
Машет удочкой детство
Если влево кивок, то чехонь
Если вправо, то жерех
...Все ты взрослая гладишь ладонь
Завоеванный берег

Черновик

Слов не разобрать – остался почерк
Синева разъединенных губ
Камышовый люд
И люд проточный
Выпускают озеро из рук

Вот оно, летящее изнанкой
Перевертышем сквозь пальцы,
Как сквозь сеть
Что там рана —
Так, сквозная ранка
Будет жить, коль трудно умереть

Вот оно, колеблемое ветром
Воздухом, уткнувшимся в плечо
В полукружье желтого рассвета
Шепчется: еще, еще, еще...

Милая, мы сбылись этой ночью
Мы друг друга взяли на испуг —
Камышовый люд и люд проточный
Нас с тобою выпустил из рук

Помнит река свои заливные луга
Кровь моя, где же твои заливные луга
В пойме, где оттиск воды и зачитанный брод
Кровь моя, ищет тебя камышовый народ
Стать бы рекой ты могла, если б вырезать дно
Как вырезают в стене голубое окно
Как вырезают из горла фальшивую медь —
Кровь, что свернулась, что больше не учится петь
Как же не петь, как не славить свои берега?
... Кровь моя, где же твои заливные луга

В этой реке невысокой на вид
Два или три этажа без подвальных
Слышишь, звенит колокольчик трамвайный
Слышишь, уже не звенит, не звенит
Сколько же вечности этой на вид
Как посмотреть, если с лодки, то много
Светишь фонариком – длится дорога
Путают весла сигнальную нить
Если с моста осторожно, слегка
Только взглянуть, так чтоб капля зрачка
Не соскользнула в свое отраженье
Видишь – себя повторяет движение
Круг на воде продолжает кружить
Может быть рыба? Все может быть...

Два берега соедини
Река весеннего завета
Чтоб сухогрузы наше лето
На Бабье озеро свезли

Да не растают снегири
И сосны и земля под ними
Вот только на круги свои
Пловец не выплывет отныне

И мы услышим – тишина
Такая долгая, как нота
Что взята с высоты моста
Звучит, не требуя полета

Два берега соедини
Две ночи, что вовек бессонны
Река, да будут твои волны
У основания земли

Два берега соедини

Выбор

2

Украина, ты ждешь стихов
Ждешь веселых до срока дел
Очарованных чумаков
Переливчатых женских тел
По Днепру за степной лиман
Пересыпется чешуя
Ходит рыба-налим в капкан
Есть у рыбы-налим стезя
Мимо черных ям, что ко дну
Мимо синих гор, что все дым
Украина, тебя одну
Научился любить налим
И покуда его несут
На плечах своих рыбаки
Видит родины красоту
Видит сети и челноки
Украина, каких врагов
Ждешь до срока, считая дни? —
Ходит рыбы налим остов
Гладят рыбу налим угли

3

Любимая, так холодно – апрель
Играет солнце в зайчика и волка
И с жизнью продлевает канитель
И кажется звезды на краю колодца
Вот звездочет – зачем он среди звезд
Вне отдалений и скупых расчетов
А вот поэт – зачем он не поет
В предверьи чувств, в предчувствии полета
Любимая, не мне тебя будить
Минуют не года – минуют жизни
Отчизна, но какая из отчизн
Отчизн так много, остаются числа
И длится ночь... На линии одной
Луна и ты, и никакой преграды
Заламывая мир над головой
Вышагивать у мира за оградой
Что выбор мой, когда повсюду ты
Украина, окраина Орды

Ольга Ильницкая

* * *

Где волны лижут по-собачьи
сухие пальцы берегов,
чужая птица часто плачет
над влажным шорохом шагов.
Мне это место всех дороже.
Здесь неподвижны небеса.
Здесь спит на осторожном ложе
морская зябкая коса.
И здесь я вижу над водою
фигуры в светлых облаках.
Но солнце белою рукою
их превращает в тлен и прах.
Я родилась с печалью острой.
Мне девяносто лет и дней.
Я скоро буду в море остров.
И стану – луч среди теней.

Море знобит. Небо давит на горы и годы.
Дышит земля застоявшимся воздухом злым.
Холодом ночь подгорчила целебные воды.
Их, как микстуру, глотает простуженный Крым.

Белого света достанет на всех, кто устал.
Всех, кто в пути отходил и желанья, и ноги.
С каждой петлей симеизской летящей дороги
каменной Кошки пугающий вижу оскал.

В хищном разломе застыла татарская мышь.
Крымская память – как стены без окон и крыш.

Март

Вновь мартовской капелью
Пропитан воздух синий,
Из точек состоящий
И закругленных линий.

Небес набухли двери,
В сугробах зреет плеск.
Как шерсть на мертвом звере,
Я потеряла блеск.

Зима

Купола в полночный час
наполняет город,
чтобы пить с утра из чаш
молоко и холод.

В полдень кашель, к ночи свист,
шпоры гололеда...

И зима свой острый рис
сыплет всем за ворот.

Колкий ветер, словно вор,
отбирает голос,
хлещет сдуру и в упор,
схватывает горло.

Спазм такой, что не сглотнуть,
бес его б попутал!

Студит спину, дует в грудь
и цинкует купол.

Город словно береста
в съежившейся коже, —
не прочтешь с его листа —
вышибает слезы...

Опять стихи идут, как эшелон
из прошлого – военного, скупого.

...Вновь мама ждет отца с реки, улова
к обеду ждет. И варится рассол
для огурцов с небритыми щеками.
Сижу-гляжу и думаю о маме,
И слезы, как горох, стучат о стол.
Моя весна еще так далеко:
Мне девять лет, смешлива, угловата.
Мой папа принесет в ведре улов!
Он радугу прибьет гвоздем над хатой!
И скажет бабушка, прикрыв глаза рукой:
«Спасибо, сын! Какой улов богатый».

Сумасшедшие метели
на Одессу налетели,
заблудились в тесноте
среди баров, книжных будок,
среди снежных незабудок
в новогодней суете.

Белый порт кричит печально,
что его волной качает,
что испуги стаи чаек
стынут сталью кораблей
среди пирсов, среди кнехтов,
среди замерзших, как пальцы,
над колючей шерстью моря
кранов, мостиков и рей.

Мы не станем, мы не будем
возвращаться в утро буден,
мы найдем под фонарями
сто придумок, сто затей
старой сказочной Одессы —
халамидницы, повесы —
удивительной столицы

удивленных кораблей.

Ближних Мельниц говор грустный,
Дальних – лай и перебранка,
запах рыбы и акаций
над лукавой Молдаванкой.

У прохожих красны рожи
от жары. Глаза устали.
Тары-бары – разговоры
миллионными устами.

Ах, одесские приметы:
детвора с картин Брюллова,
Куинджи луну с картины
притопил за волноломом.

Между берегом и молом
море – грех с картины Босха.
Вибрион эль-тор – нокдаун
неспортивной жизни бокса.

Лодки втиснуты в загоны.
Волны слизывают сонно
след от днищ, а вслед за следом —

гальку, раздевалку, город...

Постепенно, постепенно,
словно два больших удава,
слева – море, справа – небо, —
и Одессы не бывало.

Над Мертвым морем
алая звезда
смеясь, восходит.
Ангелы сгорают,
Свистят предсмертно,
Взглядами скользят
по нашим лицам,
словно текст читают
на ангельском.
...На идиш, на иврите...
Высвистывая:
– На каком молчите?
По-русски мы молчим.
И ты,
И я.
...И Русью пахнут
мертвые моря...

О. Мандельштаму

Надо смерть предупредить. Уснуть.

Я стою у твердого порога...

О. Мандельштам

Заглянув за дверь чулана,
закричу: «О Боже мой!»
Там углан в спецовке старой
всех пугает – у-лю-лю!

.....

Мандельштам лежит на нарах
(Осип, я тебя люблю).

.....

Кров над ним высок и бел.
На виски крошится мел.
А на остром подбородке
черный волос поредел

1984

У певчих свои временные законы

Колдует листва за спиною у лета,
пожаром горчит голубой листвою.
По птичьим дорогам уводит поэтов
куда-то спешащий пернатый конвой.

Я жду бестолкового лепета выюг,
чтоб молча ступать по разбухшим паркетам
дубрав, приютивших бездомных поэтов...
А стаи летят через выюги на юг.

У гордой пичуги хрустальный язык,
малиновый звук над подлеском грачиным.
Никто не запомнит усталой причины
подмены запева на хрипы и крик.

У холода свой серебристый язык.
У певчих свои временные законы.
И всякий по-своему плакать привык,
сличая вокзалов сквозные прогоны.

Ущербная тяжесть пути. А куда?
Туда суетливо уносятся стаи,
туда эшелоны заслонами ставят,

и тихою сапой плывут города.

Неверная участь залетных гостей.

Навязчивый след красноглинных обманов.

У черной реки. У ясной поляны.

Среди оскудевших до срока полей.

Накануне

Сто лет подряд и тысячи веков
росло державы каменное тело.
В нем сердце, обрываясь, холодело,
не узнавая первоизданных слов.

На площадях безумеет людье.
По переулкам ходят душегубы.
И бронетранспортера выхлоп грубый
врачуеи жизнь верней, чем мумие.

Под пятерней правительственной длани
не покачнутся стены вечных зданий,
вместилища пороков и надежд.
Война уснет. Ее приспит мятеж.

И воровская шайка облегченно
поднимет флаг над горизонтом, черным
от дыма завоеванных высот.
И всех нас от погибели ...спасет.

11 августа 1991 г.

Вадим Ковда

Возраст

С каждым годом труднее с людьми говорить.
Даже друга понять, даже сердце открыть.
Даже песню запеть, даже в праздник сплясать,
даже несколько слов о любви написать...
Только в ясные дали лесов и полей
с каждым годом гляжу все смелей.

Искусство

И карканье воронов грустных,
и лай полуночных собак... —
все это искусство, искусство,
в котором и Пушкин, и Бах...
И свет, что так стелется тускло,
и зимних лесов забытье... —
все это искусство, искусство.
Но только не ведомо чье.

Полустанок

Мне все это слишком знакомо!
Обычный пейзаж за окном:
коза возле белого дома
и женщина с желтым флажком.
Открытая в домике дверца —
там чайник, косой табурет...
Ах, все это где-то у сердца
я чувствую тысячу лет!
Поблекшая, пыльная травка.
Неприбранный, реденький лес.
И голая, голая правда
от голой земли — до небес.

Облаков кочевые народы,
куст оседлый... — их можно любить.
Я, как в церковь, хожу на природу.
А куда еще стоит ходить?
Лес, трава, полевая ромашка.
И беспутно кружащий листок,
и писклявая тощая пташка
скажут: — Милый! Ты не одинок...
Заблестит сизой дымкой долина
и излучиной белой река,
улыбнутся подзолы и глины,
где лежать мне века и века...
И отпустит глухая тоска...

Сиваш

Шелест маленьких гнутых деревьев
да морское сиянье вдали —
все ж отрада для слуха и зренья
у покинутой Богом земли.

Но и чахлые эти уродцы
тихо мрут у меня на глазах.
А их души уносятся к солнцу
в бесконечных, пустых небесах.

Остаются в белесом просторе
нарастающий солнечный свет,
голубое блестящее море,
да рыбацкой ладьи силуэт.

Смолкайте, пустые желанья!
Уйдите, пожалуйста, прочь!
Я отдан был вам на закланье,
но больше мне с вами невмочь.
Отблядствовал, отсуетился,
Словес наболтал на века...
И все ж не сломался, не спился
и даже не умер пока.
Так полнитесь вечностью строчки!
Кричи суть, что зрела во мне:
о маме, о сыне, о дочке,
о Боге, любви и войне...
Я вновь отрицаю бессилье.
И вижу: в глухом полусне
вздывается сфинксом Россия
вдали, предо мной и во мне.

За Днепром

Словно кожа столетней старухи,
в черных трещинах эта земля.
Здесь огромные, злобные мухи
да обугленный цвет ковыля.

Давит ветер ненашенной силы.
Пыль столбом. И хрустит на зубах.
Раскаленно и желто светило
в заднепровских бескрайних степях.

И зыбучих песков безобразие
в благодатном приморском краю.
И сюда желтолицая Азия
тянет дерзкую руку свою.

Чуть маячат отары овечьи.
Даль плывет, замутненно-бела...
Бесконечны труды человечьи.
Преходящи людские дела.

За Обью

Как бревенчато и косо!

Тихо. Выпала роса.

Запах пиленого теса

заполняет небеса

Нежный, прибранный, румяный

от света и дотемна

городишко деревянный,

деревянная страна.

Хмурый дед в косоворотке,

с черной прядью в бороде.

А кругом все лодки, лодки —

на земле и на воде.

Бесконечна, с белизною,

светло-серая во мгле

Обь лежит передо мною,

словно небо на земле.

Облака плывут, как духи.

Окна смотрят на леса.

На завалинках старухи

щурят белые глаза

и в немой закат над Обью
песни ясные свои
стонут, полные любовью,
плачут, полные любви.

Что не оплачено кровью,
сгинет — и нет ничего.
Все, что не стало любовью —
пусто, уныло, мертво.
Если живешь несчастливо,
вдумайся, не обозлись, —
в чем-то она справедлива,
неумолимая жизнь.

Ветер, изгибаясь, шелестит.
Небеса застыли синим сгустком.
Море ослепительно блестит,
словно снег на поле среднерусском.

Здесь, на вулканической горе,
над неммым хаОсом Карадага
в гулком и пустынном октябре
мы одни, нам ничего не надо.

Дальних гор клубится полоса.
Мы сидим, ослепнув и оглохнув...
И душа течет через глаза,
словно солнце сквозь большие окна.

Ледовитый океан

Два часа пополудни, а вечер.
Мгла. Огни сухогруза видны.
Снег да брызги, да воющий ветер,
да размытое око луны.
Рядом остров – маяк за дорогой,
лысый берег, скупое жильё...
Острый нож красоты этой строгой
проникает под сердце мое.
Я смотрю: что ж, и это Россия,
где полгода полярная тьма.
Все равно – здесь настолько красиво,
что от этого сходишь с ума.
Я под снегом стою перекрестным
и придавлен, как будто бедой,
этим Севером, диким и честным,
беспощадной его красотой.

Христос и Аввакум

Католическая церковь недавно покаялась за преступления Инквизиции.

Не пора ли и Православной церкви покаяться за продолжавшийся более столетия геноцид русских староверов?

1

Не проста эта жизнь, не проста.

Давит, жжет ядовитая дума:

– Пусть евреи распяли Христа...

Ну а кто сжег живьем Аввакума?

Но молчат... Не приемлют вины.

Крутят, врут на стремнине летейской.

Лишь мои, чую, дни сочтены

в скорбной участи русско-еврейской.

Для чего полукровкой рожден?

Что имела судьба на примете?

На меня с высоты смотрит Он...

Я раскаюсь за тех и за этих.

2

Плыл нимб... Глаза светили ...
Нес мир и благодать
Когда его схватили,
не рвался убежать.

При нервной перегрузке, —
наивен и красив,
задумался по-русски,
семитский позабыв.

Страна, где все залято,
где в будущем Он был,
которую когда-то
всю, всю Он исходил...

Я подступаю к теме,
что муторна, больна.
Нормально, что в поэме
сломались времена.

3

Все было, как в России

конвой, стукач, арест...
Он падал от бессилья,
но нес свой тяжкий крест.

Из будущего злого,
где ложь, корысть, разор,
от горечи бывшего
мы не отводим взор...

4

На холме невысоком
стоял, избит, смешон.
Тут страшный суд над Богом
людьми был совершен.

Глаз любопытных гроздья.
Молчит толпа людей...
Когда вбивали гвозди,
слышал хруст костей.

Там – в Иерусалиме
(я тоже в нем бывал) —
давно забыто имя,
кто гвозди те вбивал.

Нет палача в помине...
Он – стрелочник ... Плевать!
Зато осталось имя,
кто приказал: *Вбивать!*

Как это некрасиво —
коррупции разгул!...
Наверно, и Каифа
Пилату отстегнул.

5

Отбросьте, зачеркните
мой воспаленный стих.
Ведь Он учил: *Любите!*
гонимых своих!

Но не лукавьте, бросьте...
Да! так Он говорил...
Того, кто вбил те гвозди,
любил ли Он?.. – Любил!..

Был гогот, мат, угрозы...
А время шло к концу.
Катились Божьи слезы
по Божьему лицу...

Пред кротостью и болью
я упадаю ниц.

Но не могу, тем боле,
любить Его убийц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.